

ДУХОВНЫЕ НАЧАЛА психологической безопасности

Александр Владимирович Шувалов,
кандидат психологических наук, психолог Кризисного центра помощи женщинам и детям, доцент кафедры общей и прикладной психологии Православного института св. Иоанна Богослова Российского православного университета, главный редактор научного альманаха «Живая вода», Москва, virtus@front.ru

В статье поднят вопрос о соотношении проблем психологической безопасности личности и духовной безопасности человека; представлен комментарий к проблеме психологической безопасности; обосновывается представление о том, что психологическая безопасность является частным и частичным проявлением более общего феномена — духовной безопасности; приводятся сведения об источнике и содержании духовного знания; рассматриваются требования закона Божия в качестве первоосновы духовно-нравственной безопасности и благочестия человека; раскрывается содержательно-смысловое наполнение золотого правила этики. Утверждается, что стимулирование нравственного пробуждения и расширение горизонта индивидуальных представлений являются важными условиями профилактики и коррекции девиантного поведения.

• естественный нравственный закон • золотое правило этики • антропология
• духовность • личность • совесть • норма • насилие • психологическая
безопасность • духовная безопасность

Психологическая безопасность личности

Развитие системы психолого-педагогического знания и естественное расширение круга рассматриваемых в психологии проблем предполагают и обогащение её категориально-понятийного аппарата. В последние десятилетия в числе прочих тем для научных дискуссий и профессионального общения была выделена проблема психологической безопасности: проводятся исследования,

публикуются статьи и учебные пособия, на профильных конференциях собираются секции и созываются круглые столы, составляются рекомендации для разных категорий граждан.

Термин «психологическая безопасность» появляется в профессиональном лексиконе наряду с другими созвучными понятиями, такими как «психологическое здоровье», «психологическая культура», «психологическая зрелость», или «психологическая готовность» (отнодь не только к школе, но и к продолжению образования по окончании школы, к началу трудовой

деятельности, к прохождению военной службы, к созданию семьи и вступлению в брак).

По мнению экспертов, пространство жизни и деятельности людей неуклонно усложняется. Возрастает интенсивность воздействий на природную, культурную, социальную среду и на психосферу (сознание и бессознательное) самого человека. В процессе трансформации гуманитарного пространства появляются новые виды угроз, в том числе связанные с источниками деструктивного психологического влияния. Повышается рискогенность повседневной жизни, а уровень осведомлённости обычных людей недостаточен для того, чтобы распознавать опасность, исходящую от различных источников психологического влияния, и выявлять негативные психологические последствия.

Большинством авторов психологическая безопасность рассматривается как защищённость человека от угроз его жизни и здоровью, достоинству и душевному благополучию; как комплекс мер, направленных на защиту человека, поддержание его психологического здоровья и положительного мировосприятия. Различают внешний (средовой) и внутренний (личностный) аспекты психологической безопасности. Полагается, что психологическая безопасность обеспечивает сохранность психики человека и является фактором его личной успешности и удовлетворённости жизнью. Признётся, что психологическая безопасность связана с мировоззрением и образом жизни людей; что основанием психологической безопасности является возможность духовного и нравственного развития личности.

Специалисты выделяют такие сферы психологической безопасности, как информационно-психологическая безопасность, безопасность образовательной среды и личности, безопасность труда, социальная и социально-психологическая безопасность. Называют объективные и субъективные параметры состояния психологической безопасности личности, например такие, как переживание защищённости, уверенности в себе, удовлетворённости собой и качеством социальных отношений. Психологическая безопасность проявляется в уверенном, самостоятельном и конструктивном (ассертивном) поведении человека, в том

числе в ситуациях преодоления трудностей и разрешения противоречий.

Рассмотренные нами источники научной и профессиональной информации, описывающие специфику психологической безопасности, в подавляющем большинстве фокусируются на психофункциональных аспектах проблемы и её решениях [1–15], но не содержат принципиально важных замечаний, на которых мы и намерены сфокусировать внимание.

1. *Психологическая безопасность, по сути, является производной более общего феномена — духовной безопасности.*

2. *Именно стремление к обеспечению духовной безопасности является фундаментальной основой и условием соблюдения психологической безопасности личности.*

Духовная безопасность человека

Для традиционного мировоззрения понятие «духовная безопасность» в содержательно-смысловом отношении представляется более конкретным и историчным. Духовность является основой всего, что имеет отношение к человеческой личности. Духовный настрой и связанные с ним нравственные установки явно или скрыто направляют деятельность и поступки человека, определяют образ жизни и поведение в обществе, на работе, в быту. Безусловно, важнейшим и ценнейшим источником духовного знания является Священная Библейская история — неисчерпаемый источник нравственного и исторического воспитания для каждого более или менее способного к серьёзной интеллектуальной жизни человека. Она явно показывает, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, а земная жизнь людей небессмысленна. Из Библейского повествования мы знаем, как Господь научает людей Своим словом: Отец Небесный сообщил людям через пророка Моисея, что

(выражаясь утилитарным психологическим языком) *если они хотят быть сохранены*, то им надлежит исполнять десять заповедей закона Божия; Спаситель рассказал людям, что *если они хотят быть счастливы*, то им следует воспринять Заповеди Блаженства и на этой ещё более совершенной основе строить свою жизнь.

Десять заповедей Ветхого Завета (Десяти-словие, Декалог Моисея) как раз и составляют суть и основу духовно-нравственной безопасности, позволяющей людям и народам поддерживать свою жизнеспособность в условиях мирного и достойного существования. Важно, чтобы личность человека была послушна требованиям закона Божия, подчиняясь сознательно и добровольно. Благодаря этому становятся возможны взаимоприемлемые, деликатные и конструктивные формы общения и социального поведения, устанавливаются нормы общежития. Отступление от норм морали и нарушение Закона (по сути, преступление) провоцирует насилие, делает жизнь опасной, и отнюдь не только психологически.

В нравственном богословии различают внутренний и внешний законы. Внутренний закон (естественный нравственный закон) запечатлен в сердце при сотворении первых людей и действует в человеке вне зависимости от его возраста, пола, расы, уровня развития и воспитания. Апостол Павел так говорит о внутреннем законе: люди «показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Совесть является носительницей и выразительницей закона Божия в человеке. «Совесть — это своего рода духовный инстинкт, который быстрее и яснее отличает добро от зла, нежели ум» [16]. В совести заключена сила, стоящая выше человека. Призывы совести и нравственные переживания помогают личности связывать воедино разум, чувства и волю и согласовывать свои действия и поступки с волей Творца.

Естественный нравственный закон лёг в основу золотого правила этики, выработанного в древнем мире разными культурами независимо друг от друга: «Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой». Это правило оберегает и ограждает целостность структуры человеческого бытия от нравственного растрепывания и распада. Его исповедовали в Китае и Японии, в Индии и Греции, в Риме и Иудее. Реальность естественного нравственного закона убеждает нас в том, что личная нравственность представляет собой фундаментальную, глубокую и таинственную основу мирового строя человеческой жизни [17]. Способность внимать призывам совести и личная нравственность являются условием добро-сердечного отношения и мирного сосуществования людей. Отступление от нравственного закона пагубно для человека и разрушительно для отношений, в нём угрозы и риски для социального самосохранения и жизнеобеспечения.

Внешний закон был дан «по причине преступлений» (Гал. 3:19). Люди не слушались внутреннего закона и, ведя плотскую и греховную жизнь, заглушили в себе голос духовного закона [18]. Поэтому им было дано внешнее напоминание о нём в виде заповедей.

Таким образом, мы наделены средствами для распознавания добрых и злых дел: закон Божий внутренний, нравственный — свидетельство совести, и закон Божий внешний — заповеди Божии.

Используя аллегорический образ реки, можно вообразить, что закон Божий является тем заветным ориентиром нравственного благочестия и рубежом духовной безопасности, которые всегда выше по течению и ближе к истоку, куда и нужно стремиться всеми силами на пути к искомым берегам осмысленной и достойной человеческой жизни. Стремиться вопреки падшести и обыденности, которые отягощают и сносят вниз. Как тут не вспомнить, что живые рыбы — древний

символический образ христианства — плывут против течения. Так и люди призваны одолевать свою немощь и нестроения в жизни, поступать по совести и по любви, дабы жить в мире и взаимном согласии.

С пришествием в мир Иисуса Христа и обретением Нового Завета происходит трансформация золотого правила этики с его изначально негативной формулировки на позитивную. В Нагорной проповеди Иисус Христос говорит: «И так во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). Христианин призван противиться умножению и распространению зла и останавливать его на себе.

Речь идёт о живом знании, чрезвычайно важном и актуальном в контексте практического решения проблемы психологической безопасности. Оно не просто переплетается с реалиями педагогической деятельности и психологической помощи, а имеет непреходящее значение, учитывая, какую нравственно-этическую нагрузку дают конкретные проблемные и кризисные ситуации, с которыми ежедневно сталкиваются в своей работе педагоги и психологи. Приведём в этой связи эскизное описание эпизода практической работы, на примере которого можно проследить связь проблем психологической безопасности и духовной безопасности.

Фрагмент опыта психологической практики

Пять лет назад на консультацию в ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям» (Москва) обратилась мать ученика выпускного класса московской школы. Поводом для обращения стали огорчительные инциденты: юноша периодически без спроса заимствовал у родителей деньги. Родители сдержанно и деликатно реагировали на проступки сына в надежде, что он перерастёт этот порок и, наконец, сдержит своё дежурное обещание «больше так не делать». Но, в очередной раз не досчитавшись уже весьма приличной суммы, они приняли решение обратиться к специалисту.

Семья полная, дружная, среднего достатка, небогатая. В семье растут два сына

17-ти и 14-ти лет (обратились по поводу старшего). Мировоззрение и воспитательные подходы родителей можно назвать либеральными. Они заботятся о мальчиках, интересуются их делами, предоставляют им много свободы. По мнению матери, отец в воспитании сыновей пассивен, но он уделяет им время, например берёт их с собой на рыбалку. Теперь родители удручены и искренне озабочены происходящим.

Есть основания полагать в анамнезе у мальчика синдром неврапатии. Длительный период страдал энурезом. В начальной и средней школе злоупотреблял компьютерными играми.

Мать характеризует сына как весьма способного, но сетует на его слабохарактерность, лень, непостоянство интересов: уклоняется от труда, учится нехотя, иногда прогуливает занятия. Правда, по окончании школы планирует поступать в один из престижных московских вузов.

В ходе беседы выясняется, что деньги дома всегда хранятся в доступном месте, а у сына появилось пристрастие к игре на тотализаторе: он делает ставки на спортивные результаты в букмекерской конторе.

Проводим консультативно-диагностическую сессию с самим юношей. Беседуем, по ходу разговора предлагается пройти психологическое тестирование, он не возражает. Признаётся, что впервые умыкнул родительские деньги лет в семь; с началом игры на тотализаторе стал это делать систематически — берёт деньги гораздо чаще, чем родители думают; если выигрывает, то возвращает заимствованное, но чаще проигрывает. Обнаруживается, что собеседник интеллектуально развит, но сфера интересов бедная; социально адаптирован, но круг приятелей небольшой, а друзей, похоже, вообще нет; эмоционально огорчён по поводу проблемной ситуации, но по большей части тем, что приходится обсуждать

своё поведение с посторонним человеком, истинной глубины переживания не наблюдается. Конфликтность с естественным человеческим окружением не обнаружена. Есть основания говорить о мотивационно-волевой дефицитности и моральной незрелости на почве психоакцентуации по неустойчивому типу, но не более того. Признаки патогенеза (включая лудоманию) и поводы для обращения к психиатру или неврологу не выявлены.

На повторную встречу с психологом родители пришли уже вдвоём. Делюсь с ними впечатлениями по поводу их сына. Замечаю, что подобные проступки в его возрасте чаще всего происходят либо по причине болезни, либо по причине распушенности; что признаков заболевания у него не выявлено, и проблема носит скорее психолого-педагогический характер. Обращаю внимание родителей на важные аспекты воспитания: по мере развития и взросления детей наступает время, когда им самим следует воспринять и осмыслить основания для различения хорошего и плохого, доброго и худого, допустимого и недопустимого, чтобы начинать самостоятельно определяться в этих сложных вопросах. Интересуюсь, случалось ли им беседовать об этом с детьми? Делились ли они с сыновьями своими взглядами и убеждениями на этот счёт?.. Понимаю, что эти важные для жизни вопросы в семейном воспитании не были основательно проработаны. Ссылаюсь на первооснову — реальность естественного нравственного закона и Декалог, который имеет безусловный и всеобщий характер, является общим достоянием всех людей и лежит в основе всех этических и правовых норм. Не наблюдаю в ответ негативной или скептической реакции. Подсказываю, что, может быть, их семейная проблема — это достаточный повод для того, чтобы предметно и обстоятельно поговорить с сыном на эту тему? А если родители чувствуют, что сами не вполне готовы к такой беседе, то они могут намеренно подготовиться, обратиться к первоисточникам и комментариям, обсудить между собой нюансы воспитания нравственного сознания и пробуждения нрав-

ственных чувств. И в ответ читаю в их глазах то, что они следом и озвучивают, — просьбу ко мне начать такой разговор с их сыном. Отвечаю, что это, увы, выходит за рамки моей профессиональной компетенции: я же не родитель для их отпрыска и не духовное лицо. Но в глубине души чувствую и понимаю, что мог бы проявить последовательность и помочь расширить духовно-нравственный кругозор юноши. Поэтому воздерживаюсь от категорического «нет» и обещаю им посоветоваться с православным священником, который окормляет специалистов и сотрудников Кризисного центра.

Священник, вникнув в ситуацию и выслушав мои сомнения, благословил на коррекционно-воспитательную беседу с юношей и дал важные советы.

На повторной встрече с «игроком» я повторил ему то же, что сказал его родителям: люди поступают так, как поступил он, либо по причине болезни, либо по причине аморальности и распушенности. И спросил, что он думает по поводу себя? Он без тени сомнения ответил, что это, очевидно, болезнь и он сам с собой ничего поделать не может. Я же возразил, что признаков недуга у него не нашёл и, с моей точки зрения, это вопиющая распушенность. Пересказал ему в общих чертах наш разговор с родителями и их просьбу поговорить с ним об основах распознавания добрых и злых дел. Спросил, не возражает ли он поучаствовать в таком разговоре? Юноша не возражал. И далее не спеша, по возможности лаконично и доступно рассказал ему о Десятисловии, дав в руки листок с выдержкой из Библии — Книга «Исход», глава 20, стихи 2–17. Обратил его внимание на то, что заповеди Ветхого Завета лежат в основе всех законодательных систем, как древних, так и современных; что они предостерегают человека от нарушения духовного закона и нравственных норм и, как следствие, от причинения вреда себе и окружающим; что о них необходимо знать и помнить, а вот отношение к ним — это

вопрос личного самоопределения каждого человека (воспринять или игнорировать, руководствоваться или пренебрегать, блюсти себя и мирность отношений или искушаться и искушать); что, видимо, уже настало время и ему задуматься над этими правилами.

Поинтересовался: понятно ли ему то, о чём мы разговариваем? Он ответил, что «да» (вот парадокс: сколькими людьми заповеди Божии воспринимаются как нечто знакомое и даже очевидное, но почему-то переживаются как умозрительные, абстрактные и отвлечённые нормы общего порядка — как инструкция по безопасности, о которой многие слышали, но мало кто её буквально придерживается...).

Тогда я спросил юношу, как он полагает: какие из перечисленных заповедей преступал, транжиря родительские деньги? «Не кради», — ответил он с лёгким недоумением, как будто я задал ему банальный вопрос.

А заповедь «Почитай отца твоего и мать твою...»? Он без энтузиазма и здесь признал свою неправоту.

А заповедь «Не пожелай ничего чужого...»? Он снова согласился и признал свою неправоту уже с некоторым удивлением.

А заповедь «Не убивай...»? Ведь убивать можно, поражая оружием, а можно убивать словами или поступками: «убивать» морально, убивать постепенно. Разве не разрушительно для родителей преступное поведение сына, сколь бы инфантильным, лёгкомысленным и на первый взгляд безобидным оно ни казалось? Он задумался и в отношении этой заповеди тоже признал свою неправоту.

Повторно мама юноши обратилась на консультацию спустя восемь месяцев и рассказала, что после первой серии консультаций был продолжительный положительный эффект: сын перестал играть на тотализаторе, по окончании школы успешно сдал ЕГЭ и сумел поступить в желаемый вуз, в первом семестре благополучно миновал промежуточную сессию. И, видимо, на волне самонадеянной расслабленности и успокоения случился рецидив: он опять начал играть, взял без спроса у родителей деньги, стал пропускать занятия в институте.

Конечно, я предполагал подобное развитие событий, ведь был сделан только шаг в решении проблемы. Более того — результат превзошёл мои оптимистичные прогнозы: восемь месяцев юноша демонстрировал способность противостоять порочному пристрастию. И это более чем внушительно при дефиците личной мотивации к изменению. Другое дело, что без полноты осмысления, без глубины покаяния, без чувства страха Божия, без навыка самоодоления, без призыва в помощники Духа Святого возможно ли человеку устоять перед уже привычным соблазном и не дрогнуть?..

Нужно ли специально объяснять, какое отношение описанный эпизод имеет к проблеме психологической безопасности? Тотализатор как способ развлечения и несправедливого стяжания психологически токсичен для личности: отвлекает от честного труда, разжигает жажду лёгкого обогащения, побуждает к безрассудным и бессовестным поступкам, провоцирует формирование игровой зависимости. Человек под давлением одолевшей его страстишки теряет чувство границ: инфантильная размытость представлений «свое» и «чужое» переносится на отношения с другими людьми. Привычка подворовывать аморальна и осуждаема. Она портит репутацию и крайне негативно влияет на качество отношений с окружающими людьми. Вне границ семейной общности и родительской лояльности подобные действия уголовно наказуемы. При совершении кражи есть вероятность нарваться на самосуд, и наказание может оказаться несоразмерным и жестоким.

Заметим, что приведённый в статье пример — это не презентация случая психологической практики, а лишь описание фрагмента, который не отражает всей полноты проделанной консультативно-диагностической и коррекционной работы, но иллюстрирует один из важных её аспектов — помощь клиенту

в анализе и осмыслении сути проблемной ситуации. Психолого-педагогическим результатом описанной работы можно считать усложнение субъективной картины мира у клиента и необходимость делать осознанное нравственное усилие.

Об антропологических нормах

Обратимся к другой весьма злободневной категории проблем, которые являются профильными для Кризисного центра помощи женщинам и детям. Это проблемы, связанные с эпизодами насилия. И давайте задумаемся по поводу первопричин насильственных действий, которые в профессиональном сообществе не очень принято называть и обсуждать.

Насилие — это применение силы и причинение ущерба (физического, эмоционального, морального) одним человеком другому человеку; это попытки воспользоваться слабостью и зависимостью другого путём принуждения или манипулирования; это претензия на другого человека как на вещь, которой можно распоряжаться по своему усмотрению и любым способом. Соответственно, насилие — это злоупотребления внутри семейных или социальных отношений, которые лишают людей психологической безопасности.

Квалифицированная работа педагогов и психологов с эпизодами насилия подразумевает не только помощь пострадавшим, но также участие в купировании подобных ситуаций и профилактику рисков насильственных действий. Чтобы преуспеть в этой работе, необходимо уметь вычленять и удерживать в профессиональном сознании сущностную составляющую проблемы. В рамках профессиональной практики мы сталкиваемся с ситуациями, в которых обнаруживаются разнообразные факторы насильственных действий. Упомянем наиболее распространённые из них:

- клинический: патология (в основном — психопатические проявления);

- педагогический: незрелость или распушенность;
- психологический: наследование деструктивных моделей поведения и отношений, созависимость, состояние аффекта;
- правовой: вседозволенность и безнаказанность.

Факторы эти действуют комплексно в различных пропорциях и комбинациях. Разбирая конкретные случаи, мы начинаем рассуждать следующим образом: «С одной стороны... с другой стороны... с третьей стороны...» И в этой замысловатой логике перечисления можем упускать принципиальную деталь — насилие, по сути своей, не является сугубо психологической, или медицинской, или педагогической, или юридической проблемой. Это прежде всего *антропологическая проблема*, затрагивающая духовный настрой и личную нравственность человека, связанная с выбором мировоззрения и определением способа своего отношения к ближнему, подразумевающая соблюдение или потерю человеческого облика и достоинства.

Термин «антропология» появился ещё в античной философии. Аристотель употребил его для обозначения области знания, изучающей преимущественно духовную сторону человеческой природы — разум и добродетели. Впоследствии под этим именем сконцентрировались разные ветви человекознания, которые на основе изучения онтогенеза, филогенеза и социогенеза описывают биологические, социальные и духовные качества людей. Антропология сфокусирована на специфике человеческого в человеке, на различении человеческого и до- или внечеловеческого в развитии, поведении и образе жизни. Приведём наглядный пример: 9 месяцев внутриутробного развития человеческого эмбриона — это не только эмпирический факт, но и важная *антропологическая норма (!)*. Индивидуальная вариативность в продолжительности пренатального периода у женщин отнюдь не отменяет её значимости. Заметные отклонения от неё

как в одну, так и в другую сторону чреваты болезненными проявлениями и нарушениями в последующем развитии ребёнка. Антропология как раз и занимается описанием фундаментальных норм устройства и становления человека, которые не подлежат ревизии, коррекции и тем более упразднению.

Уникальность устройства и драматургия становления красноречиво представлены в богословской и философской антропологии: человек сочетает в себе естественное (животное) и сверхъестественное (духовное) начала. Эти начала представляют собой два центра влияния на мотивацию и поведение человека и спорят друг с другом в борьбе за доминантность. В природе в поведении животных довлеют инстинкты: основные силы сосредотачиваются на борьбе за выживание, утоление, продолжение рода. Люди устроены иначе. Для человека нормально, когда над инстинктами, привычками и вожделениями главенствует духовное начало; когда личность управляет натурой, а не наоборот (в противном случае — распушенность или психопатия). Самоконтроль личности — другая важная антропологическая норма (!), которая закладывается в традиционных подходах к воспитанию и постепенно складывается в процессе становления человека.

Антропологические представления восходят к реальности естественного нравственного закона, который имеет безусловный и всеобщий характер. Человеку как личности подобает на добровольной и сознательной основе быть послушным требованиям естественного нравственного закона. Это ещё одна принципиальная антропологическая норма (!), о которой следует упомянуть в контексте нашего повествования, от которой прямо зависит и характер взаимоотношений, и качество жизни людей. Отступление от нравственного закона пагубно для человека и разрушительно для отношений. Бытовое насилие является частным проявлением такого отступления.

Б. С. Братусь замечает, что, как и всякий жизненный, живой процесс, отношение человека к другим людям несёт в себе борьбу противоположных возможностей и тенденций [19, 20]. С одной стороны — человеческое отношение, основанное на традиционном понимании и восприятии ближнего как образа и подобия

Божия, наделённого особой сакральной ценностью; децентрация, терпение, милосердие, самоотдача и любовь как способы реализации этого отношения. С другой стороны — вещное отношение, бесцеремонное восприятие ближнего как средства, подчинённого внешним целям, пусть даже особого и уникального, но стоящего в ряду прочих вещей; эгоцентризм, пренебрежение, манипуляция, эксплуатация и, наконец, насилие как способы реализации такого отношения. Доминанта на Другом и любовь к ближнему в противовес эгоцентризму и жестокосердию — это ещё одна важная антропологическая норма (!), на которую следует обратить внимание [19–21].

Мы четырежды употребили определение «антропологическая норма». По меткому замечанию В. И. Слободчикова, само понятие «нормы» в данном случае — это не характеристика среднестатистического уровня развития какой-либо способности, не ссылка на отсутствие выраженной патологии, высокую приспособляемость и непротиворечивость требованиям культуры (как это обычно принято в психологии), а указание на возможности высших достижений становления и развития человека. Более ёмко и точно: норма — это лучшее, что возможно для человека в пределах его жизненного пути [22, с. 171].

О сопряжении духовного знания, гуманитарного знания и профессиональной практики

Духовное знание является важным источником в структуре осмысления, определения и культивирования антропологических норм. Если адекватно уяснить специфику научного познания, то становится понятным, что духовные представления отнюдь не диссонируют с научными данными и не являются альтернативой гуманитарным научным концепциям, как это иногда пытаются показать (если, конечно, не вставить

априори в позицию отрицания). Скорее, это весомое дополнение с позиций особого — трансрационального (по С. Л. Франку) способа познания. Постигание существа человека исключительно рационально-логическими средствами не может отразить всю глубину и полноту человеческой реальности. Ибо сама эта реальность по существу трансрациональна [23].

Речь идёт не о подмене профессиональной деятельности проповедью или разговорами о религии, а о признании того, что наряду с законами мироустройства (законами природы) в мире неотвратимо действуют и другие — духовные законы. Старая поговорка недаром молвится и вовек не сломится: «Всё мы подь Богомъ ходимъ». И как в этой связи не вспомнить известное изречение Блаженного Августина: «Если Бог будет на первом месте, то всё остальное будет на своём»¹.

Отрадно отметить, что в последние десятилетия возрождается и набирает силу линия на *сопряжение рационального и трансрационального способов познания человека*. В психологии и педагогике появляется всё больше научных трудов, в которых прослеживается стремление авторов к реализации *методологического принципа антропологического единства* гуманитарного знания и духовного знания¹. Это важно, ибо без

учёта духовно-религиозных аспектов сознания и личности невозможно выразить масштаб человеческой реальности и полноту правды о человеке. Также чрезвычайно затруднительно оказать и полноценную квалифицированную помощь.

Сегодня нет необходимости специально доказывать преимущества и эффективность комплексного подхода в реализации профессионального сопровождения и квалифицированной помощи людям. Так, например, нужда в психологической помощи несовершеннолетним часто появляется вследствие нерешённых социальных проблем, педагогических проблем, проблем со здоровьем, проблем с защитой законных прав и интересов. При таком подходе мы имеем, условно говоря, горизонтальную матрицу способов и средств помощи, в масштабе которой ограничения психологической компетенции и психологического инструментария при необходимости восполняются.

Комплексная помощь позволяет охватывать и прорабатывать в сотрудничестве со смежными специалистами медико-психологические, социально-психологические, психолого-педагогические и психолого-правовые аспекты проблемных и кризисных ситуаций. Они составляют условную «горизонталь» психологической практики, но есть ещё и «вертикаль» нравственно-психологической и духовно-психологической проблематики, которая существенно влияет на мотивацию, поведение, межличностные отношения, душевное состояние и качество жизни людей. И отношение профессионала к духовно-нравственной вертикали — это не вопрос вкуса и пристрастия, а насущная необходимость и всегда нетривиальная проблема, затрагивающая как личность нуждающегося, так и личность специалиста. Здесь уже речь идёт о *соблюдении антропологического единства в отношении духовного знания и психологической практики*, о возможностях активации высших регистров сознания человека — нравственного и духовного — в совместной работе над проблемными и кризисными ситуациями. Можно сказать, что за этой профессиональной установкой

¹ В качестве конкретных примеров можно сослаться на *резонансный учебный комплекс «Основы психологической антропологии»*: Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013; Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие. — Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013; Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах: Учебное пособие. — Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013; *коллективную монографию*, удостоенную национальной премии «Золотая Психея» в номинации «Лучшая книга по психологии 2017 года»: Христианская психология в контексте научного мировоззрения / под ред. Б. С. Братуся, С. А. Воробьева. — Москва: Никея, 2017; *недавно вышедшую книгу*: Человек между восхождением и нисхождением. Опыт научной дискуссии / науч. ред. и сост. В. И. Слободчиков и А. А. Остапенко. — Москва: Народное образование, 2021.

стоит стремление специалиста к непротиворечивости его профессиональной позиции и способов ведения практики базовым антропологическим нормам. Без учёта реалий духовно-нравственной вертикали, без внимательного, щепетильного отношения к антропологическим нормам психологическая помощь может оказаться не только малорезультативной, но и опасной для личности — дезориентирующей, травмирующей, токсичной.

Практические психологи отнюдь не по своей прихоти, а по необходимости работают не только в границах психологических феноменов и закономерностей, не только на уровнях междисциплинарных связей и этнокультурных представлений, но и на рубежах сопряжения психологии и этики, гуманитарного знания и духовного знания (конечно, в меру своей образованности и профессиональной искушённости). Б. С. Братусь по этому поводу замечал, что психология из позиции наблюдения, наблюдателя борьбы за человека в человеке сама может входить в область этой борьбы как её инструмент, орудие, и тогда совершается кардинальный поворот: «Из психологии, согласной рассматривать нравственное развитие как частный вариант, сегмент своего применения, она становится *нравственной психологи-*

ей, действующей и видящей мир изнутри нравственного пространства, нравственного понимания человека» [20]. Разве подобное утверждение не справедливо и в отношении педагогики? Добавим, что речь здесь, видимо, должна идти о психологии (и педагогике) и как о знании, и как о профессии. При таком подходе понятия психологической безопасности, психологического здоровья, психологической культуры, психологической зрелости и готовности к разным сферам жизни и деятельности в своей содержательной сути обнаруживают преемственность понятиям духовной безопасности, духовного здоровья, духовной культуры и духовного возрастания, которые, в свою очередь, зиждутся на заповедях Закона Божия и неотделимых от него базовых нормах, принципах и смыслах человеческой жизни. Эти постулаты, как мы постарались показать, носят конкретный и фундаментально практический характер и не чужды профессиональной деятельности педагогов и психологов. В этом и состоит главный вывод нашей скромной работы. **НО**

Список использованных источников

1. Баева, И. А. Психология безопасности: теоретическая основа практической помощи человеку в экстремальной ситуации / И. А. Баева // Журнал практического психолога. — 2008. — № 4. — С. 8–26.
2. Безопасность жизнедеятельности: учебник для вузов / под ред. Л. А. Михайлова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2012. — 461 с.
3. Грачёв Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грач в — Москва: Изд-во РАГС, 1998. — 125 с.
4. Зотова, О. Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен: специальность 19.00.05 «Социальная психология (психологические науки)»: автореф. дис.... доктора психологических наук / Зотова Ольга Юрьевна; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — Москва, 2011. — 43 с.
5. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность / И. Колесникова. — Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. — 176 с.
6. Лызь, Н. А. Развитие безопасной личности в образовательном процессе вуза / Н. А. Лызь. — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. — 305 с.
7. Львов В. М. Проблемы обеспечения психологической безопасности личности в производственной среде: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В. М. Львова. — Тверь: Губернская медицина, 2002.
8. Львов, В. М. Проблема обеспечения безопасности личности в коллективе с негативными формами отношений / В. М. Львов, С. А. Багрецов // Журнал практического психолога. — 2008. — № 4. — С. 138–154.
9. Молокоедов, А. В. Психологическая безопасность личности: основы комплексного анализа / А. В. Молокоедов, И. М. Слободчиков, С. В. Франц. — Изд-во «Левъ», 2017. — 173 с.
10. Основы психологии безопасности: учеб. метод. пособие / сост. Д. Р. Мерзлякова. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. — 83 с.

11. Рошин, С. К. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства / С. К. Рошин, В. А. Соснин // Российский монитор. — 1995. — № 6. — С. 133–145.
12. Соловьёва, С. Л. Психология экстремальных состояний / С. Л. Соловьёва. — Санкт-Петербург: ЭЛБИ-СПб., 2003. — 128 с.
13. Психологическая безопасность: учебное пособие / В. П. Соломин, О. В. Шатровой, Л. А. Михайлов, Т. В. Маликова. — Москва: Дрофа, 2008. — 288 с.
14. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 272 с.
15. Эксакусто, Т. В. Теоретические основы социально-психологической безопасности: Монография / Т. В. Эксакусто / под ред. Н. А. Лызь. — Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. — 242 с.
16. Епископ Александр (Мелиант). Совесть — голос Божий в человеке / Епископ Александр (Мелиант) // Сайт Православная энциклопедия «Азбука веры», 2019. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/sovest-golos-bozhij-v-cheloveke/ (дата обращения 25.07.2019).
17. Архимандрит Платон (Игумнов). Нравственное богословие / Архимандрит Платон (Игумнов). — Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2008.
18. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Святитель Филарет Московский (Дроздов). — Москва: Терирем, 2018.
19. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. — Москва: Мысль, 1988. — 301 с.
20. Братусь, Б. С. Образ человека в психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. — Москва: Смысл, 1997. — С. 67–91.
21. Флоренская, Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Т. А. Флоренская. — Москва: Русский Хронограф, 2009. — 480 с.
22. Исаев, Е. И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах: учебное пособие / Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков. — Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. — 432 с.
23. Франк, С. Л. Человек и Бог / С. Л. Франк. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. — 528 с.

Spiritual Principles Of Psychological Security

Alexander V. Shuvalov, Candidate of Psychological Sciences, Psychologist of the Crisis Center for Women and Children (Moscow), Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology of the Orthodox Institute of St. St. John the Theologian of the Russian Orthodox University, editor-in-chief of the scientific almanac "Living Water", virtus@front.ru

Abstract: The article raises the question of the correlation of the problems of psychological security of the individual and spiritual security of a person; provides a commentary on the problem of psychological security; substantiates the idea that psychological security is a private and partial manifestation of a more general phenomenon — spiritual security; provides information about the source and content of spiritual knowledge; considers the requirements of the law of God as the primary basis of spiritualmoral security and piety of a person; the content and semantic content of the golden rule of ethics is revealed. It is argued that stimulating moral awakening and expanding the horizon of individual ideas are important conditions for the prevention and correction of deviant behavior.

Keywords: natural moral law, golden rule of ethics, anthropology, spirituality, personality, conscience, norm, violence, psychological security, spiritual security.

References

1. Baeva, I. A. Psihologiya bezopasnosti: teoreticheskaya osnova prakticheskoy pomoshchi cheloveku v ekstremal'noj situacii / I. A. Baeva // Zhurnal prakticheskogo psihologa. — 2008. — № 4. — S. 8–26.
2. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti: uchebnik dlya vuzov / pod red. L. A. Mihajlova. — 2-e izd. — Sankt-Peterburg: Piter, 2012. — 461 s.
3. Grachyov, G. V. Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psihologicheskoy zashchity / G. V. Grachyov. — Moskva: Izd-vo RAGS, 1998. — 125 s.
4. Zotova, O.YU. Bezopasnost' lichnosti kak social'no-psihologicheskij fenomen: special'nost' 19.00.05 «Social'naya psihologiya (psihologicheskie nauki)»: avtoref. dis.... doktora psihologicheskikh nauk / Zotova Ol'ga Yur'evna; Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova. — Moskva, 2011. — 43 s.

5. *Kolesnikova, T. I.* Psihologicheskij mir lichnosti i ego bezopasnost' / T. I. Kolesnikova. — Moskva: VLADOS-PRESS, 2001. — 176 s.
6. *Lyz', N. A.* Razvitiye bezopasnoj lichnosti v obrazovatel'nom processe vuza / N. A. Lyz'. — Taganrog: Izd-vo TRTU, 2005. — 305 s.
7. *L'vov, V. M.* Problemy obespecheniya psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti v proizvodstvennoj srede: uchebno-metodicheskoe posobie / pod obshch. red. V. M. L'vova. — Tver': Gubernskaya medicina, 2002.
8. *L'vov, V. M.* Problema obespecheniya bezopasnosti lichnosti v kollektive s negativnymi formami otnoshenij / V. M. L'vov, S. A. Bagrecov // Zhurnal prakticheskogo psihologa. — 2008. — № 4. — S. 138–154.
9. *Molokoedov, A. V.* Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: osnovy kompleksnogo analiza / A. V. Molokoedov, I. M. Slobodchikov, S. V. Franc. — Izd-vo «Lev», 2017. — 173 s.
10. *Osnovy psihologii bezopasnosti: ucheb. metod. posobie* / sost. D. R. Merzlyakova. — Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2012. — 83 s.
11. *Roshchin, S. K.* Psihologicheskaya bezopasnost': novyj podhod k bezopasnosti cheloveka, obshchestva i gosudarstva / S. K. Roshchin, V. A. Sosnin // Rossijskij monitor. — 1995. — № 6. — S. 133–145.
12. *Solov'yova, S. L.* Psihologiya ekstre mal'nyh sostoyanij / S. L. Solov'yova. — Sankt-Peterburg: ELBI-SPb., 2003. — 128 s.
13. *Psihologicheskaya bezopasnost': uchebnoe posobie* / V. P. Solomin, O. V. SHatrovoj, L. A. Mihajlov, T. V. Malikova. — Moskva: Drofa, 2008. — 288 s.
14. *Tarabrina, N. V.* Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa / N. V. Tarabrina. — Sankt-Peterburg: Piter, 2001. — 272 s.
15. *Eksakusto, T. V.* Teoreticheskie osnovy social'no-psihologicheskoy bezopasnosti: Monografiya / T. V. Eksakusto / pod red. N. A. Lyz'. — Taganrog: Izd-vo TTI YUFU, 2011. — 242 s.
16. *Episkop Aleksandr (Meliant).* Sovest' — golos Bozhij v cheloveke / Episkop Aleksandr (Meliant) // Sajt Pravoslavnaya enciklopediya «Azбуka very», 2019. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/sovest-golos-bozhij-v-cheloveke/ (data obrashcheniya 25.07.2019).
17. *Arhimandrit Platon (Igumnov).* Nравstvennoe bogoslovie / Arhimandrit Platon (Igumnov). — Sankt-Peterburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2008.
18. *Svyatitel' Filaret Moskovskij (Drozdov).* Prostrannyj Hristianskij Katekhizis Pravoslavnoj Kafolicheskoy Vostochnoj Cerkvi / Svyatitel' Filaret Moskovskij (Drozdov). — Moskva: Terirem, 2018.
19. *Bratus', B. S.* Anomalii lichnosti / B. S. Bratus'. — Moskva: Mysl', 1988. — 301 s.
20. *Bratus', B. S.* Obraz cheloveka v psihologii // Psihologiya s chelovecheskim licom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoj psihologii / pod red. D. A. Leont'eva, V. G. SHCHur. — Moskva: Smysl, 1997. — S. 67–91.
21. *Florenskaya, T. A.* Mir doma tvoego. Chelovek v reshenii zhiznennyh problem / T. A. Florenskaya. — Moskva: Russkij Hronograf, 2009. — 480 s.
22. *Isaev, E. I.* Psihologiya obrazovaniya cheloveka: Stanovlenie sub»ektnosti v obrazovatel'nyh processah: uchebnoe posobie / E. I. Isaev, V. I. Slobodchikov. — Moskva: Izd-vo PSTGU, 2013. — 432 s.
23. *Frank, S. L.* Chelovek i Bog / S. L. Frank. — Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Cerkov', 2010. — 528 s.